

Ирина Евгеньевна ФАДЕЕВА / Irina FADEEVA

| Аксиология и семиотика: экзистенциальные ценности в контексте современной культурной антропологии / Axiology and Semiotics: Existential Values in the Context of Modern Cultural Anthropology |

Ирина Евгеньевна ФАДЕЕВА / Irina FADEEVA

*Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Россия
Заведующий кафедрой культурологии и педагогической антропологии
Доктор культурологии, профессор**Syktuvkar State University, Russia
Head of the department of Culturology and Educational Anthropology
Professor, Doctor of Science (Culturology)
iefadeeva@mail.ru***АКСИОЛОГИЯ И СЕМИОТИКА: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ
СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ АНТРОПОЛОГИИ**

В статье рассматривается проблема антропологического кризиса, важным проявлением которого автор считает кризис современного семиозиса. Автор полагает, что деструкция социокультурного семиозиса обоснована деструкцией экзистенциальных параметров индивидуального самообоснования личности и деформацией социокультурной аксиосферы. В статье рассматривается социальная неоднородность современного культурного пространства, главной причиной которой является интеллектуальная дифференциация современного общества. Одним из факторов кризиса, по мнению автора статьи, является бюрократизация общественной и коммуникативной среды, а также маргинализация существенной части населения. Вместе с тем автор отмечает рост собственно интеллектуальных научных, социокультурных, художественных практик. Важно, что указанные процессы обоснованы изменениями социокультурной аксиологии. В статье идет речь о необходимости экзистенциальной рефлексии как фактора ценностного самообоснования индивида и как основания социокультурного семиозиса.

Ключевые слова: социокультурный семиозис, аксиосфера, экзистенциальная рефлексия, самообоснование, гиперкоммуникация, гиперсоциальность, маргинализация.

AXIOLOGY AND SEMIOTICS: EXISTENTIAL VALUES IN THE CONTEXT OF MODERN CULTURAL ANTHROPOLOGY

This article analyzes the anthropological crisis, an important manifestation of which is the crisis of contemporary socio-cultural semiosis. The author believes that the destruction of the socio-cultural semiosis is substantiated of destruction of existential parameters of individual identity and deformation of socio-cultural values. The article deals with the social inhomogeneity of the contemporary cultural space and intellectual differentiation of modern society. One of the factors of the crisis, according to the author of the article, is the bureaucratization of social and communicative spheres, as well as the marginalization of a substantial part of the population. However, the author notes the increase of the intellectual scientific, socio-cultural, artistic practices. It is important that these processes are associated with changes in the social and cultural axiology. The article deals with the necessity of existential reflection as a factor of axiological self-substantiation of individual and as the basis of social and cultural semiosis.

Key words: socio-cultural semiosis, sociocultural valuables, existential reflection, self-justification, hyper-communication, hyper-sociality, marginalization.

Ирина Евгеньевна ФАДЕЕВА / Irina FADEEVA

| Аксиология и семиотика: экзистенциальные ценности в контексте современной культурной антропологии / Axiology and Semiotics: Existential Values in the Context of Modern Cultural Anthropology |

Одной из постоянно возникающих тем современного культурологического знания является антропологический кризис. Впервые обозначенный в начале XX века трудами М. Шелера и Р. Генона, а позднее в качестве кризиса европейской науки и цивилизации – Э. Гуссерлем, О. Шпенглером, К. Ясперсом и другими философами и мыслителями, этот кризис все более становится культурной универсалией нового столетия.

В этой статье мы обратим внимание на важную составляющую кризиса. Это семиотический кризис – деструкция социокультурного семиозиса, обоснованная деструкцией экзистенциальных параметров индивидуального самообоснования и деформацией социокультурной аксиосферы. Среди сопутствующих факторов отметим социальную неоднородность современного культурного пространства, которая определяется не только и не столько экономическими или политическими, сколько интеллектуальными причинами и механизмами. В частности, среди процессов, характерных для российского постсоветского общества, следует назвать, помимо крайней бюрократизации общественной и коммуникативной среды, также маргинализацию существенной части населения, с одной стороны, и несомненный рост собственно интеллектуальных научных, социокультурных, художественных практик – с другой. При этом оба указанных процесса обоснованы наблюдаемыми изменениями аксиосферы – не только в плане деструкции традиционных для отечественной культуры ценностей (анализ которых еще не проведен, на наш взгляд, с достаточной полнотой), но и в плане их деконструкции: если понимать под социокультурным семиозисом процесс означивания ценностей и смыслов, то очевидно, что именно их трансформации обнаруживают себя в языках и текстах культуры.

На наш взгляд, сущностной характеристикой семиозиса является его экзистенциально-персоналогический характер, и его наличие или отсутствие определяется наличием или отсутствием экзистенциальной рефлексии – способности индивидуального «я» не только переживать свое внутреннее бытие, но и осознавать его. Между тем именно в этом плане современная социокультура характеризуется двойственностью. С одной стороны, можно утверждать, что общественные институты сегодня «ориентируются на мотивации и желания» индивидов, а идеал подчинения личности коллективным правилам «рассыпается в прах»¹, или говорить о социальном «множестве» как о множестве сингулярностей². С другой стороны, также очевидной является деиндивидуализация сознания, «овнешнение» частной жизни – особенно показательны в данном случае коммуникативные практики блогосферы, например, Живой Журнал или Instagram, как бы снимающие с человека последние покровы приватности. Индивид оказывается втянутым в процессы непрерывной коммуникации, скользя по поверхности визуальных образов или готовых словесных форм. В результате гипертрофированная коммуникация (гиперкоммуникация) и гиперсоциальность как бы вымывает саму возможность экзистенциальной рефлексии, а поэтому разрушает практику продуцирования и означивания смысла.

Деструктивные (vs. деконструктивистские) изменения аксиосферы / культурных языков и кодов, становятся сегодня причиной семиотической аномии. На наш взгляд, можно говорить о своего рода культурной *афазии* (неспособности произво-

¹ Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. СПб.: Владимир Даль, 2001. С. 19-20.

² См. Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция, 2006; Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М.: ООО Ad Margintm Пресс, 2013.

Ирина Евгеньевна ФАДЕЕВА / Irina FADEEVA

| Аксиология и семиотика: экзистенциальные ценности в контексте современной культурной антропологии / Axiology and Semiotics: Existential Values in the Context of Modern Cultural Anthropology |

дить и понимать тексты) или, в другом варианте, о культурной *эхолалии* (автоматическом повторении чужих высказываний). Причем очевидно, что афазия и эхолалия могут становиться интеллектуальным приемом, основанием для пародирования (в понимании Ю.Н. Тыняновым пародии как механизма эволюции художественных форм), то есть для формирования новых культурных языков и кодов. Современные коммуникативные практики предоставляют обширный материал, свидетельствующий об этом тренде, – это многочисленные варианты римейка, интертекстуальные игры, буквально пропитывающее не столько даже художественное пространство, сколько тексты СМИ, многослойные метафорические фигуры, алгоритм которых при всей их, как кажется, оригинальности, оказывается, однако, вполне стандартизированным, и т.д.

В связи с этим следует назвать две модели современного социокультурного семиозиса.

Первая определяется доминированием «готовых» языков и кодов, (имеющих тенденцию к упрощению и полной стандартизации), как бы диктующих репрезентативные формы и встраивающих индивидуальное сознание в стандарты социального (или асоциального) поведения и деятельности. Причем, именно диктат весьма ограниченного набора формализованных кодов позволяет воспроизводить на поверхностном уровне встроенные ценностные ориентации без их экзистенциально-рефлексивного понимания и интериоризации. Наиболее показательной в данном случае является деловая коммуникация, все более приобретающая зловеще бюрократический характер: обмен служебными записками, представлениями, формализованными планами и отчетами не предполагает не только интеллектуально-рефлексивных процедур и практик, но и сколько-нибудь внятной системы ценностей. При этом условность коммуникативных ресурсов не требует от индивида погружения в эту необоснованную конвенциональную игру, превращая ее, как справедливо утверждает П. Вирно, в

«пространство для непосредственного самоутверждения», «тем более брутального и наглого, или, обобщая, циничного, чем чаще мы ... срастаемся с теми самыми правилами, чью конвенциональность и непостоянство ощущаем»³. Необходимо отметить, что современная бюрократическая коммуникация существенно отличается от того описания, которое дал М. Вебер и согласно которому иерархически организованная бюрократическая система предполагает эффективность управления и рационализацию общественной жизни. Напротив, сегодня можно говорить о самовоспроизводстве бюрократических процедур, о разрушенной коммуникации, когда формы и регламенты практически полностью теряют свою референциальность.

Вторая модель характеризуется размытостью культурных языков и кодов, что приводит к семиотическому коллапсу, однако требует и в ряде случаев реально приводит к формированию принципиально новых репрезентативных форм и, соответственно, новых способов аксиологического и собственно экзистенциально-рефлексивного самообоснования индивида. Можно наблюдать, как сегодня повторяется ситуация, описанная в свое время В. Маяковским, – «... улица корчится безязыкая – ей нечем кричать и разговаривать». Способность к созданию новых культурных языков (а не просто механическое перекодирование) представляет собой то, что можно определить как *гипер*-субъективность, когда индивид не только становится автором текстов, но обретает способность к порождению принципиально новых культурных кодов, причем, уточним, имея сформированную способность к экзистенциальной рефлексии и целостному (эмоционально-интеллектуальному) переживанию ценностей и смыслов. В этом случае знаменитая идея смерти автора корректируется самим ходом культурно-исторического движения:

³ Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М.: ООО Ad Margintm Пресс, 2013. С. 108-109.

Ирина Евгеньевна ФАДЕЕВА / Irina FADEEVA

| Аксиология и семиотика: экзистенциальные ценности в контексте современной культурной антропологии / Axiology and Semiotics: Existential Values in the Context of Modern Cultural Anthropology |

автор теперь должен порождать не столько тексты, сколько коды, притом, что собственно «самовыражение» автора может происходить посредством экзистенциального жеста, минуя «готовые» стандартизированные формы. Примерами такого экзистенциального жеста могут служить художественные практики XX столетия от М. Дюшана и В. Маяковского (ср. «... я захохочу и радостно плюну»), а также само название стихотворения – «Name!») до О. Кулика. В современной низовой полумаргинальной культуре показательным, например, является рэп – особенно *рэп баттл*, не только широко использующий обценную лексику, но и по сути, представляющий собой экзистенциальный жест отрицания принятых ценностей. Кроме того, опирающиеся на суггестивные возможности ритма, практики рэпа втягивают индивида в неосмысливаемое бессознательное и возвращают его к архаическим формам психической, культурной и социальной жизни. Однако сам этот жест отрицания и эпатажа является экзистенциальным жестом – протестом против деиндивидуализации и десубъективации и поэтому, на наш взгляд, промежуточным этапом в процессе возврата к индивидуальности.

Все более вырисовывающееся в рамках современной социокультуры противостояние иначе можно сформулировать как противостояние, с одной стороны, субъективности, порождающей не столько тексты, сколько коды в целях (не всегда достигаемых) самообоснования и конструирования аксиологически обоснованной модели мира, а с другой – «готовых» полуразрушенных кодов, порождающих усредненного (овнешненного) десубъективированного индивида. Понятно при этом, что в первом случае мы имеем индивидуально формируемую систему ценностей и смыслов – притом, что такое формирование может быть реализовано только при наличии экзистенциальной рефлексии (и, добавим, далеко не всегда достигает цели); во втором – постоянно деформируемые, размытые

ценности, точнее, их уже не осмысливаемые остовы.

С этой точки зрения стоит взглянуть на трансформацию эстетических ценностей, которые в рамках классической эстетики, сформированной проектом Модерна, были ориентированы на устойчивый (классический) художественный код европейской культуры. Сегодня эти когда-то незыблемые основания противоречат экзистенциальному опыту современного индивида: эстетическое восприятие – это уже не наслаждение прекрасным, а «потерянность, колебание, утрата основания, shock», – говорит Д. Ваттимо⁴, причем именно ситуация шока становится реакцией на тотальное бесчувствие, апатию («нарциссического»), по выражению Ж. Липовецки⁵, человека. Особенно очевидной эта тенденция становится в массовой культуре, причем в ее маргинальном и вытесненном на периферию социокультурного пространства андеграунде, где тематизация смерти занимает чуть ли не центральное место. Характерному для современной социальной жизни «множеству» (как противоположности и «народу», и «власти») свойственно стирание различий между «страхом» и «тревогой»: тревога как опасность существования «вне общества» – а она «повсеместна, непредсказуема, постоянна»⁶, становится частью экзистенциального опыта именно в силу этого радикального смещения когда-то устойчивых социальных организмов – народа и общества – к «множеству». Культура как бы перестает оставлять человека наедине с самим собой – гиперсоциальность заглушает ростки экзистенциального: «нарциссический» индивид, любующийся своим отражением в обольщающих его зеркалах масскульты, то есть видящий только свое

⁴ Ваттимо Дж. Прозрачное общество. М.: Логос, 2002. С. 66.

⁵ См. Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. С. 56-60.

⁶ Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М.: ООО Ad Margintm Пресс», 2013. С. 24.

Ирина Евгеньевна ФАДЕЕВА / Irina FADEEVA

| Аксиология и семиотика: экзистенциальные ценности в контексте современной культурной антропологии / Axiology and Semiotics: Existential Values in the Context of Modern Cultural Anthropology |

«внешнее», не желает или не способен обратиться к себе-внутреннему.

Наблюдаемое сегодня прекращение действия семиотических механизмов означивания (культурного семиозиса, или, что то же самое, культурогенеза) связано не только с экспансией массовой культуры, процессами глобализации, с всеобщей дигитализацией и медиатизацией информационного пространства, с постоянно осуществляемым контролем над сознанием индивида посредством бюрократических институтов и медиа, но прежде всего с серьезными изменениями социокультурной топологии – усложнением семиосферы. С одной стороны, можно говорить о смещении к ее периферии развлекательных жанров и художественных практик, все более обретающих маргинально-низовую характер, и, напротив – к центру – интеллектуально-философских форм, концептов и метафор, экзистенциальная интериоризация и рефлексия которых требуют от индивида серьезных не только интеллектуальных, но и душевных и духовных усилий. Однако с другой стороны, сама массовость массовой продукции, по видимости, заглушает эти глубинные изменения социокультурного семиозиса: экспансия развлечения («обольщения», как говорит Ж. Липовецки) и в то же время погружение индивида в стандартизированные формы деловой и повседневной коммуникации не оставляют возможности, как для рефлексии, так и для чувственно-эмоционального переживания ценностей и смыслов.

В этой связи весьма показательным является внедряемая министерством труда и социальной защиты РФ система профессиональных стандартов и квалификационных требований, уже сейчас, на стадии разработки и утверждения, пришедшая в противоречие не только с существующими государственными стандартами высшего образования, с его целями и задачами, но и с подвижной, «текущей» формой существования современного общества. Стремление жестко регламентировать трудовые функции, и столь же жесткая привязка к про-

фессии идут вразрез с декларируемым принципом готовности человека изменять сферу профессиональных интересов и деятельности. Очевидно, что стремление классифицировать и упорядочить социум посредством различного рода регламентов становится фактором несвободы, что, в свою очередь, делает невозможной ситуацию выбора и сознательного усвоения ценностей, поскольку в очередной раз превращает человека в «колесико и винтик» системы. При этом бюрократическая система, претерпевая серьезную деформацию, становится все более агрессивной, подчиняя человека безликой целерациональности и стихийным социально-экономическим и культурным процессам, которые уже поддаются жесткому регламентированию. В отличие от модели идеальной бюрократии М. Вебера, ориентированной на индустриальное общество и демонстрирующей свою экономическую и социальную эффективность, современные бюрократические процедуры оказываются ее противоположностью, вымывая из повседневных практик и деловой коммуникации фундаментирующие их ценности и смыслы. Однако в калейдоскопически меняющемся мире, как справедливо отмечает П. Вирно, «обыденные практики не упорядочиваются единообразными направляющими линиями, но обладают высокой степенью индетерминизма. Сегодня именно эта способность маневрировать между абстрактными и взаимозаменяемыми возможностями как раз и создает *профессиональное* качество в тех секторах постфордистского производства, где трудовой процесс регулируется не единой конкретной целью, а *набором* равных *возможностей*, которые должны быть определены раз за разом»⁷ (выделено автором – И.Ф.). Современный мир характеризуется «нетрудовой социализацией»: «способности и необходимые качества», которые со временем станут «профессиональными

⁷ Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М.: ООО Ad Margintm Пресс, 2013. С. 107.

Ирина Евгеньевна ФАДЕЕВА / Irina FADEEVA

| Аксиология и семиотика: экзистенциальные ценности в контексте современной культурной антропологии / Axiology and Semiotics: Existential Values in the Context of Modern Cultural Anthropology |

способностями и необходимыми качествами, вырабатываются на тренировочной площадке упомянутых Беньямином городских «шоков», на фоне разрастания языковых игр, бесконечного изменения правил и техник»⁸.

С точки зрения социокультурного семиозиса социальные классификации, основанные на утвержденных профессиональных стандартах и обобщенных трудовых функциях, как и создаваемый в результате реестр профессий представляет собой социальный код, базирующийся не на аксиологии, а на стихийно формируемом рынке труда без учета возможной вариативности векторов социокультурного развития. В результате этот жесткий код, как бы минующий, используя выражение М. Хардта и А. Негри, «богатство виртуальности»⁹, становится причиной обращения к единственно возможному пространству свободы – ценностной и семиотической аномии. При этом шоковое переживание иррационального и алогичного (требующее все более сильнодействующих форм) – смерти, небытия, безобразного, ужаса – хорроризация, как и ее противоположность – низовые формы комического (хохот) или агрессивное вторжение эстетики безобразного, становится своего рода эрзацем иссякающего экзистенциального опыта. Следует, например, согласиться с А. Рябовым и П. Кондрашовым, трактующим такое направление в музыке как Heavy Metal как попытку «захватить экзистенцию человека»¹⁰.

Иными словами, оболечение, хохот, хоррор, стремление связать воедино массовое и немассовое суть не что иное как способы вытеснить в сферу социального и культурного бессознательного, с одной стороны, тревожащий факт невозможности

противостоять интеллектуальной дифференциации современного общества, но с другой – противостоять агрессивной регламентации индивидуального сознания и деятельности (как профессиональной, так и повседневной) бюрократическими формами социальной коммуникации.

Стоит отметить, что принятая в качестве некоей универсалии постмодернизма ситуация стирания граней массового и немассового сегодня очевидно требует уточнений в плане ее социокультурных проявлений и проекций. Так, если в семиотическом и художественном аспектах массовое и немассовое стремятся к взаимопроникновению, посредством двойного, тройного (и т.д.) кодирования позволяя адресату совершать головокружительные переходы между разноуровневыми смыслами, то в мире социальном и социокультурном слою массового и немассового представляются достаточно отчетливо выявленными. Само кратное кодирование оставляет разрыв между уровнями восприятия и понимания – являясь по видимости прозрачным с точки зрения массового или маргинального сознания, смысл остается для него эзотерически замкнутым. Сегодня значимым является, на наш взгляд, не столько противостояние по принципу массовости – элитарности, сколько, во-первых, противоположность маргинального и интеллектуального и, во-вторых – наличие или отсутствие в практиках художественной или собственно социальной коммуникации экзистенциально-рефлексивной составляющей. Искусство стремится преодолеть это противоречие – например, в эстетике Heavy Metal или в уже указанных практиках рэпа, где довольно сложно провести грань между крайне маргинальным самообоснованием исполнителя и часто сложным, с довольно богатой лексикой и неожиданными рифмами текстами. Причем эти низовые, маргинальные по видимости формы современного искусства не поддаются словесной (рациональной) интерпретации, поскольку имеют не рациональную, а суггестивную направленность и, соответственно, предполагают аффективное

⁸ Там же. С. 105.

⁹ Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция, 2006. С. 340.

¹⁰ Рябов А., Кондрашов П. Эстетизация безобразного: Экспликация социально-антропологических оснований. Екатеринбург: Изд-во УМУ УПИ, 2012. С. 136.

Ирина Евгеньевна ФАДЕЕВА / Irina FADEEVA

| Аксиология и семиотика: экзистенциальные ценности в контексте современной культурной антропологии / Axiology and Semiotics: Existential Values in the Context of Modern Cultural Anthropology |

восприятие, апеллируя к психофизиологическим механизмам индивидуального сознания.

Понятно поэтому, что собственно интерпретирующие интеллектуальные практики – критические статьи, популярные лекции, образовательные технологии – оказываются далеко не всегда востребованными массовой аудиторией, становясь избыточными или, напротив, не достигающими понимания вообще. Не говоря уже о проблематичности «перевода» между языками культуры, или, в других случаях, перевода, используя выражение М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорского, «символов сознания в знаки культуры»¹¹, трудность представляет сама природа эстетического восприятия современного человека. Например, говоря о его этапах, В.В. Бычков выделяет, помимо установки и эйдетики-психологического восприятия, «чисто духовную» фазу – катарсис, когда осуществляется «сущностный контакт с Универсумом»¹² – с трансцендентным, контакт, который представляет собой единство интеллектуальных и аксиологических интенций и усилий индивида. Причем эта высшая – духовная – фаза не вытекает непосредственно из второй (фазы интерпретации), представляя собой метафизический прыжок и являясь результатом действия собственно экзистенциальной рефлексии/трансцендирования, осуществляемой сознанием индивида. Очевидно, что низовые формы культуры не предполагают катарсиса как переживания связи с универсумом именно как с трансцендентным, высшим началом, но столь же очевидно апеллируют к образам и смыслам «телесного низа» в их социальной и природной универсальности, то есть также к некоему универсуму.

Парадокс современной ситуации заключается в том, что повседневное (массовое) сознание, избегающее всего, что не является «развлечением» или «обольщением» (или, по Хайдеггеру, «неаутентичной жизнью», «болтовней»), выстраивает непроходимый барьер между «я» индивида и «универсумом», причем в обоих указанных значениях. Массовая повседневность ускользает от движения в маргинальность – и в то же время отказывается от возможности «сущностного контакта» с трансцендентным.

В результате ситуация оборачивается торжеством дорефлексивного сознания и прекращением действия семиотических механизмов означивания и творчества. Само же дорефлексивное сознание оказывается вовлеченным либо в стереотипизированную статику нон-креативной повседневности, либо в дорефлексивно-танатосные миры культурного андеграунда.

Таким образом, можно утверждать, что современная культура характеризуется сложным переплетением нескольких равнодействующих факторов. Это семиотический кризис, напрямую связанный с аксиологическими деформациями современного социума и его, социума, дезинтеграцией, обусловленной поляризацией на маргинальную и интеллектуальную составляющие. Однако сам по себе кризис представляет собой поле действия отнюдь не однозначных тенденций, давая надежду на формирование принципиально иных культурных языков и кодов, обоснованных движением экзистенциальной и аксиологической рефлексии.

¹¹ Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 56.

¹² Бычков В.В., Маньковская Н.Б., Иванов В.В. / Бычков В.В. Триалог. Разговор второй о философии искусства в разных измерениях. М.: ИФ РАН, 2009. С. 97-98.

